

УДК 376.42-053.6
ББК 74.55

ГЧНТИ 14.29.01

Код ВАК 19.00.10; 13.00.03

О. Г. Нугаева
Екатеринбург, Россия

O. G. Nugaeva
Ekaterinburg, Russia

**РОЛЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ
ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ
ИНТЕЛЛЕКТА И У ПОДРОСТКОВ
С НОРМАЛЬНЫМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ
РАЗВИТИЕМ**

**THE ROLE OF SYSTEMIC
THE ROLE OF SYSTEMIC
FACTORS IN THE PROCESS
OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF GENDER
IDENTITY IN ADOLESCENTS
WITH INTELLECTUAL DISORDERS
AND ADOLESCENTS
WITH NORMAL
INTELLECTUAL DEVELOPMENT**

Аннотация. В статье рассматриваются системообразующие факторы (семья) в формировании и развитии гендерной идентичности у подростков с разным уровнем интеллектуального развития.

Ключевые слова: системообразующие факторы (семья); гендерная идентичность; подростки с нарушением интеллекта; подростки с нормальным интеллектуальным развитием.

Сведения об авторе: Нугаева Ольга Георгиевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры специальной педагогики и специальной психологии.

Место работы: Институт специального образования Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: nugaolga@yandex.ru.

Идентичность является одним из психологических феноменов, рассматриваемых в аспекте социализации и адаптации к условиям различных сторон человеческой деятельности и общения. При этом существенное место отводится ген-

Abstract. The article discusses the core factors (family) in the formation and development of gender identity in adolescents with different level of intellectual development.

Key words: the core factors of (family); gender identity; adolescents with intellectual disorders; adolescents with normal intellectual development.

About the author: Nugaeva Olga Georgievna, Candidate of Psychology, Professor of the Department of Special Pedagogy and Special Psychology.

Place of employment: Department of Special Pedagogy and Special Psychology, Institute of Special Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

дерной социализации, которая вызывает интерес ученых в разных областях знаний. Осознание необходимости изучения вопросов развития и формирования гендерной идентичности в ходе гендерной социализации подростков с наруше-

нием интеллекта, рассматриваемых в русле общей тенденции к гуманизации системы специального образования, с одной стороны, и недостаточная разработанность психологических аспектов изучения гендерной идентичности и оказания своевременной помощи подросткам с нарушением интеллекта, с другой, определяют актуальность исследований в области психологии пола.

Одним из теоретических оснований исследования гендерной идентичности подростков с нарушением интеллекта стали идеи В. В. Коркунова о системном подходе в научном познании и положение о социализации лиц с умственной отсталостью. Анализируя системный подход применительно к изучению детей с отклонениями в развитии, В. В. Коркунов отмечает, что в системообразующем процессе взаимосвязанные элементы целенаправленно взаимодействуют и реализуют некую общую функцию, которая не сводима к простому суммированию отдельных компонентов, в ходе этого процесса целое возникает путем интегрирования, и интегрированные компоненты приобретают интегральные, или системные свойства [1; 2]. В исследовании гендерной идентичности у подростков с нарушением интеллекта одной из задач было выявление базовых системообразующих факторов, оказывающих влияние на развитие и формирование гендерной идентичности.

В экспериментальном исследовании приняли участие учащиеся 7—9 классов (197 человек) — де-

вочки и мальчики с нормальным интеллектуальным развитием (НИР), обучающиеся в массовых школах, — и учащиеся 7—9 классов (211 человек) — девочки и мальчики с нарушением интеллекта (НИ), обучающиеся в специальных (коррекционных) школах VIII вида г. Екатеринбурга. Всего выборка составила 408 человек.

При организации исследования использовалась методика незаконченных предложений Дж. М. Сакса, направленная на выявление основных факторов и характера взаимодействия с окружающими людьми, оказывающими влияние на формирование и развитие гендерной идентичности, а также метод контент-анализа сочинений, выполненных по заданию описать себя как представителя мужского (или женского) пола в собственной трактовке.

Анализ корреляционных плеяд (по 60 факторам-предложениям) с точки зрения совпадения значений изучаемых факторов между собой с вероятностью 0,95 показал наличие значимой корреляционной связи между системообразующими факторами «Семья» — «Мать», «Семья» — «Отец» для всех групп испытуемых. В настоящей статье рассмотрим фактор «Семья».

Все количественные показатели эмоционально-оценочного отношения (ЭОО) испытуемых основных (мальчики и девочки с нарушением интеллекта — НИ) и контрольных групп (мальчики и девочки с нормальным интеллектуальным развитием — НИР) по базовому фактору «Семья» отражены в таблице.

Таблица

**Сравнительный анализ эмоционально-оценочного отношения (ЭОО)
мальчиков и девочек к базовым факторам, %**

Базовые факторы	Испытуемые							
	Девочки с НИР		Девочки с НИ		Мальчики с НИР		Мальчики с НИ	
	(+) ЭОО	(-) ЭОО	(+) ЭОО	(-) ЭОО	(+) ЭОО	(-) ЭОО	(+) ЭОО	(-) ЭОО
Семья	77	15	68	7	51	4	50	9
Большинство известных семей	70	25	67	27	64	27	75	19

Условные сокращения, используемые в таблице:

- (+) ЭОО — положительное эмоционально-оценочное отношение к семье;
- (–) ЭОО — отрицательное эмоционально-оценочное отношение к семье;
- НИР — нормальное интеллектуальное развитие;
- НИ — нарушение интеллекта.

Анализ суждений по фактору «Семья» с положительной оценкой своих семей выявил высокую значимость семьи для всех испытуемых, но более высокие оценки (по сравнению с мальчиками) семье дали девочки. У девочек с НИР (более 77 %) в суждениях можно проследить важность взаимных отношений в семье: девочек к семье и семьи к дочерям. В подавляющем большинстве случаев доминируют такие характеристики семьи, как «дружная», «хорошая», «лучшая», «счастливая», «благополучная», «на неплохом материальном уровне». О сформировавшихся представлениях о семье позволяют судить высказывания с фиксированной положительно-эмоциональной оценкой отношений по направлениям «Я — семья» и «Семья — я» («пример для подражания», «понимающая», «заботливая», «любимая», «веселая»).

Положительные характеристики семьи содержатся в суждениях

68 % девочек с НИ. Их суждения в основном сосредоточены на характеристиках подобного плана: «лучшая» и «хорошая» (75 % от всех положительных оценок), «добрая», «нормальная», «дружная». Реже встречаются суждения, касающиеся численности семьи («многодетная», «не очень большая»), без эмоциональной оценки этого факта; материального достатка семьи («бедная», «среднеобеспеченная»); явных или неявных отличий своей семьи от других, не дающих возможности проследить сформировавшиеся представления о семье («отличается от других семей», «не отличается от других», «как все»).

Особого внимания требует наличие в суждениях испытуемых о собственной семье отрицательно-эмоциональной оценки, хотя и представленной незначительно. Так, в отношении семьи подобные суждения составили 15 % от общего их количества у девочек с НИР. По их мнению, взаимодей-

ствие членов семьи не соответствует важным критериям и демонстрирует следующий ряд качеств: отсутствие понимания («страдает непониманием»), недостаток общих, сплачивающих семью интересов («не имеем ничего общего»), мирного существования («не самая мирная»), недостаточный уровень общения с друзьями («мало общается с друзьями»), а также низкая материальная обеспеченность («бедная»). При оценивании семьи как плохой (единичные высказывания) нет указаний на негативно воспринимаемые качества семьи, поэтому в информативном плане общий фон высказываний такого рода выглядит недостаточным.

Отрицательно-эмоциональную оценку своей семье дали более 7 % девочек с НИ. У фактора «Семья» отрицательный эмоциональный фон создают оценки, подобные следующим: «хуже», «ужасная», «так себе», «была радостней», «плохая». Анализ выделенных неприемлемых качеств семьи показывает, что девочки с НИ недостаточно дифференцируют воспринимаемые и переживаемые ими как отрицательные качества семьи, затрудняются дать эмоционально-субъективную оценку качеств, присущих семье, которая заключала бы в себе размышления по поводу того, что не нравится. Однако четко отслеживают отношения в семье, которые лишены проявлений дружественного расположения («часто ссоримся», «недружная»).

Доминирующее преобладание оценочных суждений о собствен-

ной семье с положительно-эмоциональной окраской по сравнению с отрицательными эмоционально-оценочными суждениями характерно и для мальчиков с НИР (51 %), и для мальчиков с НИ (50 %). Мальчики признали свою семью лучшей в положительных эмоционально-оценочных высказываниях в 22 % фраз от общего числа всех суждений (44 % от числа высказанных в адрес семьи положительных суждений). Некоторые суждения подчеркивают ценность семейного благополучия, материального обеспечения, сплоченности, отзывчивости, воспитанности и добропорядочности.

Самые распространенные оценки собственной семьи у мальчиков с НИ (как и у девочек с НИ) — «лучшая» и «хорошая»: они составили 64 % от всех положительных эмоционально-оценочных суждений. Среди наиболее частотных положительных оценок семьи встречаются такие, в которых подчеркивается ценность для подростков уважительных, дружественных отношений в семье («нормальная», «добрая», «дружная»). Определение семьи как «нормальной» свидетельствует о ее позитивном восприятии, но не характеризует ее в более конкретных категориях, определяющих эту «нормальность».

Меньше негативно окрашенных эмоций по отношению к своей семье наблюдается у мальчиков с НИР (4 %), при этом явного негативизма не проявляется («не из самых лучших», «не такая хорошая»), и лишь в единичных выска-

зываниях семья оценивается как «плохая».

У мальчиков с НИ основой негативных эмоциональных проявлений в оценке семьи послужила критическая оценка семьи как «плохая» и в меньшей степени — «не такая хорошая». Следует заметить, что категории семей, отнесенные испытуемыми к «плохим», недостаточно дифференцированы в связи с отсутствием квалификации того качества семьи, которое воспринимается негативно и вызывает соответствующие переживания подростков.

Работы испытуемых мальчиков отразили низкие количественные показатели взаимодействия с родителями (мальчики с НИР — 10 %, мальчики с ИН — около 16 %). Характерным для детей является невключение отца как представителя того же пола в процесс общения.

Мальчики с НИР описывают особенности взаимодействия и свое отношение к семье без дифференциации родителей по половому признаку. Дети выражают любовь, уважение, почтение и нежные чувства к семье к родителям в целом, в редких случаях упоминая дедушек, бабушек и братьев с сестрами. В работах испытуемые высказывают чувство гордости за своих родителей и семью («Мне повезло, что я родился в такой замечательной семье»; «Я имею хороших родителей, у меня отличная семья»), подчеркивают общее семейное благополучие, отсутствие конфликтных ситуаций при взаимодействии с роди-

телями и проявляемую с их стороны любовь («Проблем в семье нет, я не часто конфликтую с родителями»), желают продолжать профессиональную династию семьи («Хочу пойти по стопам своей семьи: брат, отец и мать работают строителями»), а также указывают на ценность преемственных связей поколений в семье («Уважаю родителей, бабушку с дедушкой»; «Люблю, когда все родственники собираются вместе»).

Мальчики с ИН тоже выражают любовь к своей семье, но суждений такого плана незначительное количество («Люблю свою семью»; «Люблю своих родителей за то, что я их люблю»; «Мне покупают обувь»). Основная масса суждений фиксирует неблагополучие в семье, чаще воспроизводит конфликтные ситуации («Мне не везет в семье, я хожу домой, когда я уставший»; «У нас постоянные ссоры дома»; «Мы постоянно деремся с братьями»), отражает неполный состав семьи и переживания в связи с семейной ситуацией («Живу с мамой, папы нет, ни на кого не надеюсь, только на маму»; «Семья полная — папа родной, мама неродная»; «Очень рано не стало мамы, воспитывала бабушка»). Как следует из последних выдержек из работ мальчиков, во взаимодействии с родителями выделяется только мать, что косвенным образом свидетельствует об отсутствии отца в семье либо о негативном его восприятии. Благополучие, отсутствие модели и схем поведения за неимением отца в семье могут

привести к задержке в развитии гендерной идентичности на определенном этапе, препятствовать переходу на содержательно новый этап либо способствовать становлению компенсаторного по своей природе гипермаскулинного поведения.

Суждения девочек о взаимодействии с родителями свидетельствуют о большем благополучии в аспекте ориентации на соответствующую полу модель поведения и выражаются в доминирующих высказываниях девочек в адрес матери. Однако качественный анализ суждений по поводу взаимодействия с семьей показал, что различия между двумя группами существенны. Девочки с НИР отмечают прекрасные отношения с семьей, любовь к родителям, уважительное и доверительное общение с матерью. Суждения девочек наполнены чувствами гордости за своих родителей и благодарности просто за то, что они существуют. Девочки с ИН отношения к родителям и отдельно к матери выражают словами любви без отслеживания существа сложившихся отношений, но только в случае их благоприятного протекания. Негативно-эмоциональные моменты во взаимоотношениях с матерью находят место в суждениях девочек в виде подчеркивания специфики общения матери и дочери («Мама меня часто бьет и ругает»; «Иногда ругаюсь с мамой») и переживаний девочек по поводу рано ушедшей из жизни матери («У меня умерла мама, я по ней скучаю»; «Когда у меня умерла

мама, я даже жить не хочу»). Нельзя сказать, что негативные переживания отсутствуют в суждениях девочек с НИР, однако они редки и качественно иные. Они касаются выражения сочувствия матери в связи с собственным тяжелым характером («Мне жалко маму, так как понимаю, что ей со мной очень тяжело»), возникновения проблем с родителями из-за их тревоги по поводу большой учебной загруженности дочери и недостатка заботы со стороны взрослых.

Сравнение своей семьи с другими как обобщенным образом выявил очевидный факт превосходящей ценности своей семьи по сравнению с другими для испытуемых девочек. Так, для девочек с НИР в процентном отношении доминирование своей семьи над другими семьями составило 77 % против 70 %, а для девочек с НИ — более 68 % против 67 %. У мальчиков картина иная: и у мальчиков с НИР (51 % против 64 %), и у мальчиков с НИ (50 % против 75 %). Оценивая другие семьи, мальчики и девочки проявляют единодушие в использовании набора следующих позитивных качеств семьи: «хорошие», «дружные», «счастливые», «благополучные», «добрые», «нормальные» и «богатые» (эту характеристику не отметили только мальчики с НИ, что подтверждают эмпирические данные в виде оценки своей семьи как «бедной»). В отдельных характеристиках семей наблюдаются различия по группам испытуемых. У мальчиков и девочек с НИР более распространены такие опре-

деления: «приличные», «интересные», «порядочные», — не встречающиеся в основной группе испытуемых, и «любят друг друга». Мальчики и девочки с НИ выделяют характеристики иного плана, например: «живут лучше нашей», «мне нравятся», «любящие», «любят своих детей». В положительно-эмоциональной оценке фактора «Другая семья» у всех групп испытуемых обоего пола наблюдается увеличение числа негативно окрашенных высказываний в среднем на 10 % у девочек с НИР и мальчиков с НИ и в среднем на 20 % у мальчиков с НИР и девочек с НИ. Среди чаще всего выделяемых негативных сторон семейной жизни большинства других семей мальчики и девочки с НИР отмечают редкий факт проживания детей в семье с обоими родителями, недостаточную материальную обеспеченность и совместное проживание, которое трудно назвать счастливым. Испытуемые с НИ подчеркивают такие характеристики семей, как «плохие», и демонстрируют к ним свое отношение выражениями типа «мне не нравятся». Однако данные оценки фиксируют эмоционально-отрицательный взгляд на другие семьи, но не предоставляют возможности для конкретизации содержания подобного отношения. Для описания негативно воспринимаемых сторон жизни большинства других семей информация особенно скудна в группах испытуемых с нарушением интеллекта. В обобщенном виде мальчики с НИ представляют семью не иначе как скопление людей,

которых они характеризуют самыми обидными словами. Девочки с НИ описывают психологический климат семей, в которых наблюдается картина явно неуважительного и недружественного совместного проживания людей («ругаются», «дерутся», «недружные», «то дружат, то не дружат», «хамские»). Девочки, говоря о взаимодействии родителей с детьми, подчеркивают отсутствие заботы о детях («дети вообще не нужны», «не заботятся о своих детях», «грубы к своим детям»). Девочки с НИР также отмечают негативные качества жизни большинства других семей, но дают иные характеристики, можно сказать, представляют ситуацию в относительно негативном свете («испытывают трудности», «ссорятся по пустякам», «обращаются со своими уже взрослыми детьми как с ребенком», «плохо воспитывают детей»).

Различия взглядов на семейную жизнь хоть и знакомых, но не родных семей нельзя объяснить только лишь известной ограниченностью словарного запаса у подростков с нарушением интеллекта, недоразвитием речевой деятельности. В задачу исследования не входило изучение и сравнение речевой деятельности у изучаемых категорий детей. Однако оценка как положительно-эмоциональных, так и отрицательно-эмоциональных характеристик семей, на наш взгляд, отражает реально воспринимаемые формы взаимодействия большинства семей самого близкого окружения, и немаловажное значение ока-

зывает перенос внутрисемейных отношений собственной семьи на отношения в других семьях («взгляд изнутри»), особенно если это касается негативной информации.

Литература

1. Алексеев, О. Л. Системный подход как методологическая основа научного познания / О. Л. Алексеев, В. В. Коркунов // Специальное образование. — 2002. — № 1. — С. 6—17.
2. Алексеев, О. Л. Системный подход к аппаратному лечению детей с нарушениями зрения / О. Л. Алексеев // Специальное образование. — 2012. — № 1.
3. Нугаева, О. Г. Особенности половой идентичности подростков с интеллектуальной недостаточностью : дис. ... канд. психол. наук / Нугаева О. Г. — Н. Новгород, 2003.